

**ЗИНАИДА
ГИППИУС**

«НОВЬ»

Зинаида Николаевна Гиппиус

«НОВЬ»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26120891

Аннотация

«„Отцы и дети“ – это, в конце концов, только художественный образ. Он понравился, привился, но вряд ли можно ставить его темой серьезного обсуждения. Спор „отцов и детей“ – лишь фигуральное определение двух, непосредственно одно за другим следующих поколений, непременно будто бы друг с другом несогласных...»

Содержание

I	4
II	8
III	17

Зинаида Гиппиус

«НОВЬ»

I

«Отцы и дети» – это, в конце концов, только художественный образ. Он понравился, привился, но вряд ли можно ставить его темой серьезного обсуждения. Спор «отцов и детей» – лишь фигуральное определение двух, непосредственно одно за другим следующих поколений, непременно будто бы друг с другом несогласных.

Однако в реальности смена поколений – вещь очень сложная. Она неуследима и математически неопределима. Кроме «отцов» и «детей», мы видим (если не смотреть à vol d'oiseau¹, конечно) еще целую кучу каких-то дядей, племянников... куда их поместить? Это промежуточные поколения, что-то вроде полупоколений. Примеров много, даже в недавней литературе. Чьи «дети» – Блок, Белый? Шестидесятников? Нет, ибо кто же тогда первые «декаденты»? Первые декаденты – Бальмонт, Брюсов, – никак не укладываются в «отцы» Блоку, а он, в свою очередь, не отец Пильняку с Есениным, и уж наверно не отец Маяковскому. У этого же, если есть потомство, то прямо комсомольские «внуки», да и те

¹ с птичьего полета (*фр.*).

под сомнением.

Словом, в «отцах и детях» мы непременно запутаемся, и гораздо лучше формулировать важный вопрос, который нас занимает, со всей точностью и ясностью: это вопрос о русской молодежи в данный исторический момент. Что она из себя представляет сегодня, после событий беспрецедентных, в условиях исторических небывалых, что она сама о себе думает, чего она хочет в будущем, как оценивает прошлое?

Огромностью событий оттеснен на второй план самый факт «смены поколений». Смена-то произошла, но не в том нормальном порядке, в каком молодой Кирсанов сменил старого, в каком происходила она и далее, в послетургеневские времена. Тяжелый жизненный опыт, который прошла сегодняшняя молодежь, и затем жизнь вне условий «дома», во всяком случае вне условий нормальных – дают сегодняшним нашим молодым поколениям *исключительность*, и вопрос о них делают особо важным вопросом.

Увы, те же ненормальные условия мешают его исследованию с какой бы то ни было широтой и ясностью. Я уж не говорю о подспудной молодой России в URSS (ведь слово «Россия» – запрещено). Молодежь воистину «подспудная»; условия, в которых она живет, конечно, ненормальнее здешних, «бездомных»; никакой добросовестный человек не будет делать о ней общих выводов: мы знаем лишь отрывочные факты, и ни одного не подспудного, *свободного*, слова к нам не долетает (да его там и не произносится). Лишь чутье и

догадка остаются у нас для «тамошней» молодежи.

Для здешней... немного больше. Здесь другие затруднения. Молодежь рассыпана по Европе. И единственная страна, где есть приблизительная ее общность, где можно услышать что-то вроде ее голоса – это Чехословакия. Везде тяжелы эмигрантские условия; но все относительно, и я могу утверждать, что лишь в Чехословакии наша молодежь существует как таковая: она *учится*, она там *думает*, *говорит*, – живет. Достаточно, для сравнения, привести Францию. И рядом с чехословацким студенческим Союзом поставить хоть одно из мне известных здешних студенческих «сообществ». Здешнее «сообщество», самое бытие его, то, что молодежь все-таки собирается, что-то устраивает – уже чудо. Потому что здешние студенты – не учатся; ни учиться, ни говорить, ни думать им некогда: они только работают. Я не преувеличиваю; я знаю, что из пятидесяти человек может учиться разве один, а остальные... Остальные живут (т. е. спят) буквально в клоаках, в ночлежных домах, и с пяти часов уже на ногах: день отупляющей, оглушающей физической работы. Устают так, что один с ужасом рассказывал: поставил будильник на 5 часов; вскочил в 5 часов, быстро стал одеваться, но... пять-то часов было – вечера! Ужаснула рассказчика невозможность этого мертвого сна, усталости, при которой «думать нельзя», а просто – «работу потеряет». Нет, пражские студенты, бывающие на лекциях, пишущие в своих, не рукописных, журналах, ведущие дискуссии с «отцами» об

идеях, – они не знают, как они счастливы.

Мы принуждены, в вопросе о современной молодежи, главное внимание обратить на Прагу. И там сложность, конечно; я постараюсь отметить лишь наиболее выпуклое и характерное.

Сложность еще в том, что самое понятие «молодежи» – весьма зыбко. Во все времена есть молодежь «старшая» и «младшая»: 25-28-летние – *не то*, что 14-17-летние. Наши же дни, – исторический российский прерыв, – усугубили разделение, создав еще одно, немаловажное, различие между старшими и младшими. Младшие (я еще коснусь их ниже) начали жизнь с катастрофы; у них нет конкретной связи с прошлым, за ними не стоит никакое их собственное, биографическое прошлое в России. У всех старших это биографическое прошлое имеется, хотя и не в той, конечно, степени, как у старых эмигрантских групп, у «отцов». А биографическое прошлое и связь с ним, в наше время, становится или кандалами – или лестницей, в зависимости от того, как к нему отнестись. Зачеркнуть его нельзя; но можно подвергнуть его беспощадному пересмотру – и можно оставить неприкосновенным. В последнем случае оно и превращается в кандалы.

Как справляется молодежь с попутной, но неизбежной, задачей пересмотра, – с повоенной и пореволюционной самоперестройкой? Чтобы это увидеть, надо вернуться немного назад.

II

В предпоследние и последние годы Петербурга вопрос о молодежи особенно интересовал меня и моих друзей. Личные наблюдения могли быть недостаточными: ведь все-таки молодежь, проходившая перед моими глазами, тяготела, главным образом, к «литературе». Возможность ошибок заставляла меня, для проверки общих выводов, прибегать к людям, которые сталкивались с современной молодежью всех слоев. И могу сказать, что весьма редко их наблюдения противоречили моим собственным.

Вот главный вывод (его делал, между прочим, и покойный М. И. Туган-Барановский).

Тип старого студента, наивного и горячего общественника, материалистического идеалиста, исчез давно; однако последние изменения в среде молодежи произошли под влиянием неудавшейся революции 1905 г. Тут много чего было, а закончилось следующим: *типичный* студент начала второго десятилетия – это не только не «общественник», а даже антиобщественник. Он не просто смеется над «идеалами» прежнего студента (ставшего его «отцом»), он вообще не признает столь «банального» слова. Он – «эстет», в самом широком понятии. «Эстет» – вне зависимости от того, пишет стихи или не пишет, признает искусство и литературу или не признает. Большинство таких «эстетов» отличалось

крайней невежественностью. Даже те из моей молодежи, кто тяготел к литературе и претендовал на занятие ею, совершенно русской литературы не знали. Интерес к ней и труды «отцов» (или «дядей») – Брюсова, Блока – были им чужды. Почти никто не читал Достоевского (разве в детстве, бегло) или «старого» Гоголя. Тургенева снисходительно презирали, Некрасова презирали без снисхождения, никогда не выдав в глаза его книг. О других писателях, более ранних, менее ярких, нечего и говорить. Любопытство было только к «современным»: их знали, начиная с Блока, иногда с «декадентов». Не все заглядывались на футуристов, но стиль Андрея Белого очень тянул. Создавался, впрочем, у всех, мало-помалу, собственный общий стиль, какая-то вычурная смесь изысканности с малограмотностью. Натура, сказать «не банально», заставила их портить каждое русское слово, какое они только могли.

Исключения среди этих нелюбопытствующих невежд – попадались: таков молодой пушкинианец Г. Маслов (погиб в войне с большевиками). Но он был положительно «белой вороной».

Далеко не все новые «эстеты» тяготели к литературе. С наиболее вдумчивыми мы иногда разговаривали об этом их «эстетстве». Они защищали свою позицию как «естественную реакцию против засилия общественных принципов», против угнетения личности. Они называли себя «индивидуалистами» и никак не хотели понять, что говорят не об «ин-

дивидуализме», а о «субъективизме». Иные вообще «измов» не желали и к «идеям» относились так же пренебрежительно, как и к «идеалу». На замечание, что и это особого рода «романизм», – получился ответ: «Если хотите – да, но без всякого романтического содержания».

То или другое, факт отдаления молодежи от интересов общественных был налицо.

Мне вспоминается одно интеллигентское собрание, интимное, но довольно важное. Говорили-говорили, вдруг кто-то удивился:

– Господа, не странно ли, что к этому делу до сих пор не привлечена молодежь?

Пожилой, очень известный, общественный деятель, сказал, усмехаясь:

– Вам еще странно, что здесь, за столом, все сидят «седые да лысые»? Милый мой, не только здесь, а везде, где пахнет общественностью, не дай Бог, политикой, – везде вы встретите одних «седых да лысых». Я уж давно об этом думаю. И уж давно мечтаю: хоть бы одного мне живого студента увидеть!

Ну, конечно, «седые и лысые» отцы, деды, были плохими общественниками, плохими политиками. Признаем это. Что же, однако, им было делать, когда не седые и не лысые вовсе не занимались ни общественностью, ни политикой?

Они занимались... но пусть нам расскажет это сам быв-

ший, ныне кающийся², студент-эстет.

«...Мы расширяли глаза атропином, чтобы видеть краски без четких очертаний конструкции, задыхаясь эфиром платка, промоченного и наброшенного на запрокинутые головы, чтобы, держа за руку любимую подругу, постигать совместно блаженное вознесение в небытие, мы вдыхали кокаин, преобразая в сверканье Тверскую, и полагали, что есть на земле миг абсолютного счастья, мы курили гашиш, чтобы сделать покорным ток воспоминаний, теряя власть над ним (?), отдавались зрению цветовой литургии, мы благодарили сартов за дымок наш, дававший право изгибать любой фонарь, проникать сквозь любую стену, ибо сумка, где почивала душа, становилась иллюзорной, мы вдыхали „Astris“ Пивера и, закрыв глаза, гладили влажной, напряженной ладонью камень пресс-бювара...». «Многие из нас не выдерживали, шли в другую крайность, носили без подтяжек брюки, руками раздирали карманы, трубкой – рот... э, все равно, измарались в моральях! толкнув нарочито прекрасную женщину, извергали матерщину...».

Таковы покаянные воспоминания³. Послушаем дальше.

«Как бледно все это, как ничтожно! Каким Мудрым Существом предопределено было, чтобы земная жизнь коснулась нас своим беспощадным крылом...»

² Был у нас «кающийся дворянин», потом «кающийся интеллигент», а вот, наконец, и «кающийся студент».

³ Своими Путями. № 1-2. С. 13.

Говоря затем о тяжелом, смертном опыте войны, походов («нас разъедали вши, коростенила грязь, нас морили в тюрьмах...»), автор хочет показать, к чему привел благотворительный опыт. Он «изменил все, изменил психологию, сделал пределом наших мечтаний – просто жизнь, во всем ее добром и злом многообразии. *И пишем мы уже по-иному.* Оптом не отрицаем и звезд не хватаем: мозольной рукой (м. б., „мозолистой“? „Мозольный“ значит другое) – опыта разворачиваем залежи руд...».

Можно лишь приветствовать такое строгое отношение к своему прошлому, такой решительный отказ от старого, такую коренную перемену... если коренная перемена уже произошла. В стремлении к ней сомневаться, конечно, нельзя; однако подумать, не принимает ли автор стремление за достижение, желанное за данное, меня заставила фраза: «И пишем мы уже по-иному...». Нет, пишут «они» пока по-старому. Так по-старому, что старше нельзя. Доказывать ли? Недостаточно ли нескольких строк с «иллюзорными сумками для почивания души», с «изгибаниями любого фонаря», чтобы прямо перенестись во времена доисторические, когда этими сумками был полон воздух, когда чуть не всякий мечтал дотянуться до изгибаний Андр. Белого, а не дотянувшийся изгибался самодельно?

Не спорю: стиль, в конце концов, пустяки. Опыт молодежь проделала жизненный, ей было не до стиля. Нам важно проследить изменения в более существенном, отметить действи-

тельно иное, новое, – не закрывая глаз и на «старое» там, где оно остается.

Группа сотрудников «Своими Путиями» не во всем, кажется, солидарна с другими многочисленными группами пражского студенчества, но я беру ее как наиболее выявленную и характерную для главных черт, общих всем группам.

Итак, первое открытие, которое сделали молодые, – это жизнь. Просто жизнь, обыкновенная, повседневная, с работой для куска хлеба, с отдыхом в семье. Без гашишных иллюзий... да, кстати, и без «идей» и «возвышенных отцовских идеалов». Никаких крайностей! «Нам – золотая середина не болото, а дерзание».

Я боюсь, что уж тут дело не в одном старом стиле. Кто упорствует в «дерзаниях», кто и к простой жизни подходит с ними и объявляет об этом, тот, пожалуй, еще не понял этой «просто-жизни», не освободился от ненавистных крайностей. Самая золотая середина делается крайностью, если она – «дерзание». Попутный отказ от «идей», от «идеалов» (знакомый отказ!) – ничему не поможет. И я боюсь, что правда о «жизни» открывается пока лишь в «идеале», а не в конкретности. Хорошо, однако, и это. Все-таки, хотя и неосознанный, идеал. Мне даже не очень хочется отмечать дальнейшие «крайности», до которых доходят поклонники простой жизни, вроде утверждений, что «нового вообще нет», что это-то и «забавно», и «пусть застаревшие (застарелые?) идеалисты верят в прогресс, в движение вперед,

молодежь верит только в циклы, в повторения, в „маятник мод“».

Хорошо. Ну, а как обстоит дело с отношением к искусству? В старое время, у «эстетской» молодежи, оно было такое: искусство – ценность сама себе довлеющая, не находящаяся в связи ни с какими другими ценностями, независимая ни от чего, рассматриваемая отъединенно от жизни и даже от собственного творца – человека. В новое время пражский «Скит поэтов» делает следующее заявление: он «помогает поэтам вдали от родины идти нога в ногу с поэтами, работающими там, чутко улавливая дух современной русской поэзии» и «не боится поэтов, подобных Есенину и Маяковскому, со вниманием подходит к ним, отвергая политическую сторону».

Случайно или не случайно не упомянут Демьян Бедный? Если неслучайно, то надо признать, что старая молодежь, при том же взгляде на искусство, была последовательнее; отвергая все «стороны» – отвергала их до конца.

До сих пор, – скажем правду, – не видно даже «повторений», а только продолжения: как будто те же, немного постаревшие, эстеты с «расширенными атропином глазами», тем же стилем, говорят о ненужности идей, идеалов, о дерзаниях, о самодовлении искусства, об отвержении политической стороны... Но, если бы мы поспешили сделать выводы, мы бы очень ошиблись. К счастью, – для всех нас, – ни в группе, примыкающей к журналу «Своими Путями»,

ни в других группах – нет цельности, нет определенности, а, напротив, куча (чтобы не сказать хаос) самых разнообразных и отрадных противоречий. Не признается движение (прогресс), – но тут же говорится о «сдвигах». Отрицаются «идеи», – а вот статья, объясняющая и утверждающая «верховность *идеи* Родины». Объяснение этого первого пункта декларации Русск. Демократического студенческого Союза – опять довольно сбивчивое, противоречивое и спорное, но не будем входить в споры. Чувство под всем этим лежит верное и... действительно *новое*. Оно действительно родилось из опыта и обращено к будущему. Пусть еще ввиваются в новые ветхие мысли и ощущения, всякие дерзания и отрицания, позывы к «избиению богов», бессознательная склонность к крайностям (и середку, и ту – «до конца!») – это ничего. Историко-биографическую связь с прошлым не вдруг обновишь. То, что молодежь уже выдвинула, рядом с «идеей Родины», – идею демократическую, и это новое. Какая беда, что на одной странице еще «забавляются» отрицанием «нового» и с заносчивым смирением объявляют о гибели идей и цивилизации; на следующей – крепко связывают себя с идеей демократии и движением вперед. Старый «романтик без содержания» находит содержание ощупью, у него еще «расширены зрачки»... Они скоро сузятся до нормы.

Я не беру слов назад. Да, все «новое» у сегодняшней молодежи будет – и уже окрашено – *романтизмом*. Этого нечего бояться, ведь и романтизм-то будет новый. Новое – это,

прежде всего, небывшее: неповторенное и неповторимое. «Циклы», на которых основывает свое отрицание нового сотрудник журнала «Своими Путиами», действительно есть. Но они – не кошмар Нитше («вечные повторения!»), а «эволюция» Бергсона, ибо все *«циклы не совершенны»* (по научной терминологии), а «несовершенство» цикла и есть «неповторяемость».

К романтизму молодого поколения я еще вернусь, но пока – два слова о «младших» молодых.

III

Русская «младшая» молодежь в Европе – еще меньше доступна наблюдению: у нее, естественно, нет «союзов», нет журналов (что узнаешь по гимназическому болгарскому «Эосу»?). Будем помнить главное отличие этих молодых от «старших»: не имея никакой довоенной и дореволюционной биографии, – они сразу попали в «прерыв», начали жизнь прямо с «опыта». Но и отрывочные сведения, которыми я об этой молодежи располагаю, не лишены интереса.

В предреволюционные годы мы, разочаровавшись в «эстетской» старшей молодежи, стали с особым вниманием приглядываться к тогдашней «младшей». Иные даже решили: вот настоящее молодое поколение; а те, старшие, – полупоколение, межпоколение; их судьба – «так» пройти.

Жизнь показала, что мы ошибались. Ни тогдашним старшим, ни младшим, одинаково не было суждено «так пройти». Может быть, и младшие носили в себе те же задатки «эстетства»; но слившись, в катастрофе, со старшими, они вместе прошли жизненный опыт, вместе приобрели «преждевременные седины» и... новые идеи: жизни, родины, ее государственного и всяческого благоустройства. Мне кажется, что это именно бывшие «младшие» вносят самые отрадные, самые новые ноты в общий хор, которые еще создают в нем диссонансы, – видимые противоречия. Это наибо-

лее молодые из всей старшей молодежи замечтали первые о «родине», о «верховности ее идеи», об ее «благоустройстве», да, пожалуй, и о «простой Жизни» в ее конкретности; недаром не говорят они о «дерзаниях» и не заняты «избиением богов» во имя отрицания «нового»... В хорошем смысле «мечтательного», т. е. горяче-порывного, устремленно-волевого, – очень много в этой молодой «идее верховной родины». «Иного задания, кроме благоустройства родины, у нас нет... России нужны инженеры, мосты, хлеб...». «Дальше мы не заглядываем: нам некогда...». Некогда, потому что «мосты строить» надо *немедленно*, сейчас, сию минуту. Россия нужна им немедленно. Прекрасные цели. Близкие, конкретные цели. Такие ли уж близкие и конкретные? «Тут наше расхождение с отцами...», – прибавляет один. Трудно, однако, представить себе, чтобы и «отцы» были против «ремонта путей» и стояли бы за свои «воздушные замки», если бы... если бы для немедленной конкретной работы «детей» не существовало конкретных препятствий. Но *этой* конкретности молодой романтизм не видит, он смотрит поверх. В новой любви к «родине» еще есть элементы любви к «Прекрасной Даме». Это хорошо, что-то из этого должно остаться навсегда... а в чем-то придется, все-таки, «спуститься на землю», потому что все-таки сейчас, сию минуту, «мосты», к которым рвется молодежь, – остаются «воздушными».

Вот иллюстрация: как доказательство, что и молодежь в

России (в URSS) «одушевлена теми же идеями, стремлением к реальной работе», пражские студенты приводят письмо одной курсистки. Письмо убедительное; но кончается оно коротенькой фразой, маленьким дополнением – потрясающе значительным: «...*только бы хоть немножко свободы...*». Немножко – заметьте, немножко! – свободы. Ужаса и реализма этих слов не увидели «здешние». Бездомная воля отучила их понимать, что такое *неволя* и какие рождает она невозможности. Оттого и отвечают они на робкие слова – «хоть немножко бы свободы» – поверх этих слов: «Надо работать (строить мосты) *вопреки* невозможности, *несмотря* на невозможность...»

Но, повторяю, это не вина; это не старый, а новый романтизм, ищущий и не вполне еще нашедший свое подлинное содержание. Вчерашняя «младшая» молодежь только что расправляет крылья.

Ну, а сегодняшние «младшие»? Чего хотят они, уже никакой осязательной связи с прошлым не имеющие, рожденные в катастрофе и ею выкинутые на чужие берега?

Насколько могу судить (да и кто имеет данные для широкого суда?) младшие совершенно совпадают со старшими братьями в их «новом». Они не каются, – в чем им каяться? И, не имея покаянной, всегда раздражающей, психологии, не заняты наступлением на «отцов». Да где их «отцы», кто? Им как бы все – деды или даже «прадеды». Для них Достоевский, Михайловский и Милуков в одной и той же пер-

спективе.

Я приведу собственные слова одного из «младших». Путаница и противоречия – это уж надо принять! Но сквозь них все-таки можно уловить и совпадения с идеями «старших», и собственные прибавки: «За Россию, конечно, прежде всего, за Россию и против большевиков. Скажу о моих сверстниках... Есть и такие, которые не задумываются. Меня страшит их будущее, но сейчас я всех люблю, многих очень уважаю. Только от одного я слышал оправдание большевиков. Только от одного! Свержение большевиков – это для нас ясно, это для нас *первое*. Но дальше. Как мы будем строить Россию? Я говорю не только о мостах (и тут „мосты!“), они само собою, в нас много практического чувства, каждый знает, чем станет по окончании гимназии, – в особенности привлекают призвание инженера и доктора, – но ведь Россия не одно внешнее благоустройство; не вся ее сила только в нем, и любовь наша к ней не за благоустроенность же. Все же понимают, что нужна „огненная Россия“, пусть тихое пламя, но внутри пламя. У некоторых вера в искусство: красивая нравственная жизнь облагородит, уравниет всех. Один сказал: театр и церковь спасут Россию. Это вера в красивое и вера в чудо. Довольно ли этого? Нет, конечно...»

Далее идут бесчисленные ссылки... не на русскую «литературу» даже, а на русских писателей; и на всех – как на действующих, как на живых в живой России, от Гоголя, Некрасова (да, и Некрасова, бывшим «эстетам» неведомого) до Че-

хова; и с Удивлением начинаешь понимать, где подземная, крепкая, связь «младших» с Россией и куда переместилась борьба с «отцами-прадедами».

«Да, последний рассказ о России – „Скучная история“ Чехова. Но мы не хотим, чтобы вернулась „Скучная история“. Это – ложь старого мира, все, что убивает действительность, давит, дробит жизнь, порождает унылых людей...» «Борьба в русском сознании – моя мука. Все мои чувства и мысли в этой борьбе. Между Толстым и Достоевским страшная и страстная борьба – за жизнь. Я верил в „страдание“. В России много тихих, далеких углов, где много и крепко страдают. Умирают в страдании за других. Клевета, что интеллигенция за проволокой только жалко моргает, как заяц, битый обухом. Я жил с теми людьми в тяжелое время 1917-1921 гг. Я знаю их смирение и величие, их самозабвенное страдание... а жизнь проходит и уходит. Вся ли правда в одном страдании, в великой покорности до конца? Одною ли ею создается огненная Россия?..». «Может быть, ни „огненной“, никакой России не будет, может быть, для всей современности.

Склоняется солнце, кончается путь,
Ночлег недалеко, пора отдохнуть, –

но мы так верить не можем, когда хотим продумать свои думы, когда любим жизнь и живую Россию. И не даром шла в ее сознании эта борьба за жизнь. Теперь многое поняли мы

через страдание. Надо *раскрыть жизнь*. И должна раскрыться она в нашу пору...».

Что это, хаотические детские бредни, предел ребяческого романтизма, своего рода «воздушные замки», подобные таким же замкам отцов или прадедов? Может быть. Автора я не знаю (так же, как не знаю авторов пражских статей). Знаю только, что ему 17 лет и что он эмигрант с 21 года. Романтизма в приведенных отрывках, – не спорю, – сколько угодно. А все-таки, если приглядеться внимательно, без предубеждения, можно сделать кое-какой вывод: совпадая со старшими в реальных, ближайших целях, младшие относятся к ним, – к «работе, инженерству, мостам», – очень реально, а романтизм свой помещают в некоторую к ним прибавку; они расширяют «идею родины» и пересматривают свою связь с ее общим прошлым, по-своему борясь с ее создателями или разрушителями. Живую Россию видят не только с мостами, но с ними – плюс еще с чем-то, что так же пламенно хотят строить, как и мосты.

Бывают, конечно, моменты, когда «отрицание всяких идей», умственное самоограничение, самосокращение, необходимо и происходит естественно; это – когда реальная работа реализуется, когда из воздушных мостов – мосты делаются бетонными. Действительно, некогда говорить об «идеях» и «догмах». Но в эти времена не говорят и о мостах, и о том не говорят, что «нужно работать», «нужно строить»: работают, строят – и только.

Мы, впрочем, приветствуем всякие мосты, и завтрашние настоящие, и сегодняшние романтические, – даже самую мечту о мостах. В ней пламенная жажда воплотить идею Родины.

Но мы не можем осуждать и ту молодежь, которая откровенно идет дальше, к идее России прибавляет идею о *новой* России, а близкую действительно воспринимает более реалистично. Она тоже хочет мостов, но знает, что начнет эту работу лишь тогда, когда на месте постройки будет... «немножко свободы».

«Это для нас – первое».